

Глава 9

Вечером в зале Уинь.

В тихих покоях, где находился Цзинъюань, слуги двигались бесшумно, боясь издать хоть малейший звук.

Нин Хунжу почтительно подал ему свиток.

— Ваше Величество, посланные в Сянфань вернулись.

Цзинъюань взял свиток, но отложил его, не читая.

Он просматривал донесения со всех концов страны, и большая часть уже была прочитана.

Нин Хунжу отступил назад, ожидая.

Спустя некоторое время пришёл слуга и доложил, что гость в боковых покоях очнулся.

Нин Хунжу не стал его останавливать и передал новость императору. Как и ожидалось, Цзинъюань, оторвавшись от бумаг, поднялся.

Главный управляющий поспешил за ним, следуя по пятам.

Но у дверей Цзинъюань лишь взглянул на него, и Нин Хунжу остался снаружи.

Ещё днём, видя, как Цзинъюань переодевается, Нин Хунжу уже догадывался, что произойдёт.

И не ошибся.

Он не ожидал лишь, что император вернётся из Северных покоев, неся кого-то на руках. Увидев их, Нин Хунжу и остальные слуги невольно устремили взгляды на ношу императора.

Лица было не разглядеть, человек, казалось, был без сознания, но что-то в нём притягивало взгляд, заставляя смотреть снова и снова.

О чём думал Цзинъюань, Нин Хунжу не знал.

Он знал лишь, что император, ни от кого не таясь, принёс Цзинчжэ в зал Уинь.

Но никто, кроме его личной свиты, об этом не узнает.

Если Цзинъюань чего-то не хотел, об этом не знал никто.

Даже Вдовствующая императрица из дворца Шоукан не могла дотянуться до него.

Пока Цзинъюань занимался делами, Цзинчжэ отдыхал в боковых покоях.

И теперь, когда он очнулся, об этом, разумеется, доложили.

Нин Хунжу, стоя за дверью, размышлял... Император, должно быть, не раскрыл себя. Интересно, доволен ли он тем, что Цзинчжэ поместили в таком уединённом месте...

Он так старался, неужели Цзинчжэ мог догадаться, кто перед ним?

Конечно же, Цзинчжэ не догадался.

Когда он очнулся, в комнате никого не было.

Он дотронулся до лба и зашипел от боли. Нащупав влажную холодную ткань, он понял, что ему приложили компресс.

Повернувшись на бок, он оглядел тускло освещённую комнату и прикинул время. Жаль, что он не ударился сильнее. Если бы он мог проспать до завтрашнего дня, мучиться пришлось бы на день меньше.

Днём, поняв, что теряет контроль, он из последних сил ударился головой обо что-то твёрдое. В тот момент он не думал о последствиях, главное было остановить себя.

Он с трудом сел. Жар всё ещё тлел внутри, но, по крайней мере, не бушевал, как раньше. Похоже, в одиночестве «бафф» не так силён. Это дало ему возможность осмотреться.

Комната была небольшой, но обставлена гораздо лучше, чем в Северных покоях. Вещей было мало, но каждая — изящна.

Где он?

Это точно не Северные покои.

...Неужели после того, как он отключился, Жун Цзю принёс его сюда?

«Тебе не кажется это нелогичным?»

Он, обессиленный, прислонился к изголовью кровати и мысленно обратился к системе.

«Твоя цель — возвести на трон принца Жуя. За успех — награда, за провал — наказание. Звучит складно, но что это за наказания? Если принц Жуй провалит задание и подвергнется такому, он же опозорится на глазах у всех, потеряет всякое достоинство. Как он сможет править? Это же вредительство».

Какой император может позволить себе такое унижение?

На эту тираду у Цзинчжэ ушло несколько попыток.

[Наказание за провал задания подбирается индивидуально.]

«То есть, если бы провалился принц Жуй, наказание было бы другим?»

[Да.]

«Тогда почему мне так не везёт?»

[Носитель не невезуч. Случайные эффекты, если их правильно скрывать, могут даже повысить популярность носителя.]

[Если бы задание провалил принц Жуй, наказание, скорее всего, было бы направлено на раскрытие его истинных целей. В случае с носителем, чьё положение иное, провал грозит разоблачением его личности. Бить змею нужно по голове. Носителю эта истина известна лучше, чем системе.]

Если бы принц Жуй выдал свои планы на трон, это было бы равносильно смертному приговору... Да, наказание било по самому больному.

И что за популярность...

Такими извращёнными методами можно добиться только позора!

— Ты зря тратишь на меня время, я всё равно не смогу достичь твоей цели, — сухо сказал Цзинчжэ.

[Система предприняла несколько попыток. Привязка одноразовая и не может быть изменена.]
— монотонно ответила система. — [Однако система работает над корректировкой заданий.]

Но на это требовалось время.

«...»

Цзинчжэ сжал виски.

По правде говоря, для изначального носителя, принца Жуя, задания системы не были сложными.

Первое было трудным — всё-таки речь шла о человеке, которого хотел убить сам Цзинъюань. Но второе — предотвратить ссылку — и третье — спасти Цайжэнь Яо — были вполне выполнимы.

В первом случае можно было добиться замены наказания, а во втором — и того проще. Вдовствующая императрица из дворца Шоукан держала в руках весь гарем. Принцу Жую достаточно было попросить её, и она бы легко защитила Цайжэнь Яо.

Задания системы были для принца Жуя подсказками: кто может быть полезен, кто хранит тайны, чья жизнь ценнее... С его положением выполнить большинство из них было несложно.

Но для Цзинчжэ это было почти невозможно.

Он и свою-то жизнь с трудом оберегал.

К тому же он саботировал задания. Если бы не история с Цайжэнь Яо, он бы и пальцем не пошевелил.

Но эти наказания...

Цзинчжэ свернулся калачиком, обхватив колени.

Скрип.

Дверь тихонько приоткрылась, и в комнату просочилась полоска света. Цзинчжэ поднял голову. Было уже почти темно.

На пороге стояла тёмная фигура.

— Слишком темно, принесу лампу.

Услышав голос, Цзинчжэ сразу понял, кто это.

— Н-не нужно, — выпалил он. — Жун Цзю, где мы?

Ему показалось, что за дверью есть кто-то ещё.

— А кто снаружи?..

— Коллеги, — спокойно ответил Жун Цзю. — Это покои для отдыха стражи.

Цзинчжэ моргнул. При слабом свете заката он успел рассмотреть обстановку.

Во дворце так хорошо обращаются со стражей?

Цзинчжэ не хотел, чтобы зажигали свет. Жун Цзю закрыл дверь и подошёл к кровати. С каждым его шагом Цзинчжэ напрягался всё сильнее, а потом, не выдержав, с головой залез под одеяло.

Он не мог этого вынести. Стоило Жун Цзю посмотреть на него, как тело начинало гореть.

Жун Цзю остановился у кровати. Сердце Цзинчжэ заколотилось.

Сегодня он вёл себя очень странно.

— Лоб не болит? — равнодушно спросил Жун Цзю, садясь на край кровати.

Цзинчжэ, ослабевший и смущённый, пробормотал из-под одеяла:

— Не болит.

— Правда?

Не дожидаясь ответа, Жун Цзю сквозь одеяло прижал руку к его лбу. Цзинчжэ не успел среагировать и зашипел от боли.

— Не болит?

— ...Не болит, — проскулил он, едва сдерживая слёзы.

Ему показалось, что он услышал тихий смешок. В комнате воцарилась тишина. Цзинчжэ хотел что-то спросить, но неловкость сковывала язык. Наконец, он решился:

— Твой... коллега говорил, что ты уезжал по делам. Уже всё закончил?

— Закончил, — небрежно ответил Жун Цзю.

— Что-то серьёзное?

— Не очень.

Он снова усмехнулся, очень тихо.

— Собрал кое-что.

Вырезал всю семью Цзяо в столице.

— Отправил кое-что.

Отправил их тела в поместье хоу-защитника Севера.

— И сделал пару добрых дел.

Вызвал врачей к нескольким старым министрам, потерявшим сознание от гнева, и любезно посоветовал им уйти в отставку, предоставив охрану для возвращения на родину.

— В общем, я неплохо потрудился, — мягко заключил Жун Цзю.

Цзинчжэ растерянно моргнул. Хотя он и не видел лица Жун Цзю, он мог представить его выражение... он знал, что у того скверный характер... надеюсь, с теми людьми всё в порядке.

Он полежал ещё немного.

Жун Цзю не спрашивал, почему он так себя вёл, почему ударился головой. Цзинчжэ был благодарен, но время шло, и если он не вернётся до закрытия ворот, будут проблемы.

Он уже собирался заговорить, как Жун Цзю сказал:

— Ты нездоров, оставайся здесь на ночь.

— Но это против правил.

— У меня есть некоторое влияние в страже. Оставайся, — неторопливо произнёс Жун Цзю. — А в Северных покоях сегодня ночью будет не до тебя. Никто не потревожит.

Похоже, о смерти Цайжэнь Яо знали даже в страже.

— Спасибо тебе, Жун Цзю, — со вздохом сказал Цзинчжэ. Он действительно устал. Возможность спокойно отдохнуть и пережить это наказание была для него спасением. — Ты очень добр.

В темноте глаза Жун Цзю блеснули, губы изогнулись в странной усмешке.

То ли насмешка, то ли издевательство.

Цзинчжэ, хоть и проснулся, от разговора снова начал засыпать. День был мучительным, он потратил много сил, сдерживая жар в теле. Теперь, вдали от чужих взглядов, хоть тело и было слишком чувствительным, можно было потерпеть... привыкнув, можно было даже игнорировать лёгкое удовольствие от трения ткани.

Засыпая, он почувствовал, как смутные подозрения, копившиеся в нём, вырвались наружу.

— ...

— ...Почему я так добр к тебе? — повторил Жун Цзю его слова странным, искажённым шёпотом.

Но Цзинчжэ уже спал.

Если бы он услышал, то, наверное, схватил бы своё одеяло и сбежал без оглядки. Потому что в этом голосе, в одном этом звуке, таилась явная, тёмная угроза.

Пальцы мужчины откинули край одеяла, открыв покрасневшее лицо. В полумраке комнаты влажный блеск на щеках выдавал слёзы.

Он смотрел на Цзинчжэ.

Долгое, пристальное «внимание» заставило спящего вздрогнуть, словно на него давил невидимый груз.

— Ты забавный, — тихо, с ноткой зловещего наслаждения, прошептал Жун Цзю.

Даже эта малость была густой и вязкой, как болотная топь, готовящаяся поглотить свою жертву.

Когда весь дворец прогнил и был на грани распада, Цзинчжэ стал неожиданностью. Заблудившийся воробей, дрожащий и жалкий, но в то же время странно притягательный.

Совершенно случайная, непредвиденная встреча.

Случайно забрёл в зал Фэнсянь, случайно вымолил у него жизнь, случайно... дожил до сегодняшнего дня.

В нём было что-то интересное.

Жун Цзю это чувствовал.

Но ещё интереснее был сам Цзинчжэ.

— Секреты.

Пальцы мужчины беззастенчиво коснулись покрасневшего уголка глаза Цзинчжэ.

Он был полон загадок.

Одна цеплялась за другую, образуя запутанный клубок.

Потянешь за одну нить — а под ней ещё целый моток.

Сколько слоёв нужно содрать, чтобы увидеть его истинное лицо?

<http://bllate.org/book/16993/1582330>